ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 30.03.2026 | Игорь Семиволос

Дроновая дипломатия

Как Украина переходит от роли получателя помощи к статусу активного «поставщика безопасности» на Ближнем Востоке

Турне президента Украины Владимира Зеленского по странам Ближнего Востока – Саудовской Аравии, ОАЭ, Катару и Иордании – ознаменовало фундаментальное смещение в украинской внешней политике. Мы наблюдаем переход Украины от роли реципиента помощи к статусу активного поставщика безопасности. Это не просто серия политических визитов, а системное выстраивание юридической рамки для больших оборонных контрактов. Логика Зеленского здесь работает по модели «сверху вниз»: сначала подписан меморандум на уровне глав государств, снимающий политические риски, далее – прямые инвестиции и развертывание MilTech-промышленности. Это классическая B2G-стратегия (Business-to-Government), где государство открывает рынок, снимая бюрократические ограничения для украинских производителей дронов, систем РЭБ (радиоэлектронной борьбы) и комплексов перехвата. Ожидается, что после этих соглашений наконец-то будут сняты внутренние ограничения для украинского оборонного сектора, открывая путь к полноценному экспорту технологий в обмен на стратегические ресурсы.

Примечательно, что турне состоялось именно в момент острой публичной полемики с Вашингтоном. Когда новый госсекретарь Марко Рубио называет «ложью» утверждения Зеленского о связи американских гарантий безопасности с выходом Украины с территорий Донбасса, Киев отвечает асимметрично. Независимо от того, кто прав в этом споре, сам факт построения стратегических партнерств в Заливе является прямым ответом на американское давление. Зеленский демонстрирует администрации Дональда Трампа, что у Украины есть другие опции и альтернативные центры влияния. Если Вашингтон колеблется в долгосрочной поддержке, Украина способна стать критически важным партнером для ключевых союзников США в стратегическом регионе. Это резко повышает цену любой попытки «закрыть украинский вопрос» за спиной Киева, ведь субъектность Украины теперь подкреплена

интересами Эр-Рияда и Абу-Даби.

Зеленский демонстрирует администрации Дональда Трампа, что у Украины есть другие опции и альтернативные центры влияния

Центральным аргументом украинской стороны стала уникальная разведывательная экспертиза, которую невозможно получить в кабинетах Вашингтона. В интервью NBC News Зеленский обнародовал факты непосредственного участия РФ в подготовке иранских ударов по стратегическим объектам США на Ближнем Востоке. Российская спутниковая группировка осуществила три серии детальных снимков авиабазы принца Султана – 20, 23 и 25 марта 2026 года. Украина первой выявила и верифицировала эту закономерность на основе собственного опыта: первый снимок означает подготовку, второй – симуляцию и проверку готовности средств ПВО, а третий свидетельствует о нападении в течение следующих 24-48 часов. Хотя редакция NBC News отметила, что не смогла самостоятельно верифицировать эти данные, события 26-27 марта стали жестким подтверждением прогноза: Иран нанес удар шестью баллистическими ракетами и 29 БпЛА, что повлекло реальные потери, в том числе повреждение самолета АВАКС E-3 Sentry и ранения 15 американских военнослужащих. Зеленский оценил уровень российской помощи Тегерану в этой операции как стопроцентный, что фактически делает Москву соучастницей атаки на американские силы.

Для Эр-Рияда и Абу-Даби это был сигнал, который невозможно проигнорировать: Москва и Тегеран действуют как единый военный механизм. Россия превратилась в «стратегического интенданта» Ирана, снабжая его критическим вооружением еще до начала активной фазы войны 28 февраля 2026 года. Контракт на 48 истребителей Су-35, передача вертолетов Ми-28 и молниеносная поставка ПЗРК «Ива» (подписанная всего за шесть дней до эскалации!) – это прямая угроза арабским монархиям. Логистика поддержки маскируется под «гуманитарные» каналы, например, таджикский конвой весом 3610 тонн, предположительно связанный с заводом дронов «Ababил-2» в Душанбе. Как метко отметил

британский министр обороны Джон Хили, мы видим «скрытую руку» Кремля, раздувающего пожар в Заливе, чтобы отвлечь внимание и ресурсы Запада от украинского фронта.

Важно, что Украина уже не просто предлагает – она действует. Украинские экспертные команды физически присутствуют в нескольких странах Залива и уже произвели несколько успешных поражений иранских дронов. Это не будущий контракт – это верифицированный результат на поле боя. Именно этот факт стал решающим доводом для подписания соглашений. Отдельным и недооцененным результатом турне стала договоренность о поставках дизеля с Ближнего Востока на год – что свидетельствует о том, что «дроновая дипломатия» является частью более широкого экономического разворота: не только оружие в обмен на деньги, а комплексное партнерство, где Украина получает и энергетическую безопасность, и стратегические ресурсы.

«Дроновая дипломатия» является частью более широкого экономического разворота: не только оружие в обмен на деньги, а комплексное партнерство, где Украина получает и энергетическую безопасность, и стратегические ресурсы

Особого внимания заслуживают результаты в Катаре – там подписано десятилетнее оборонное соглашение. Десять лет – это не ситуативная реакция на кризис, это стратегический горизонт. Эмир Катара лично высоко оценил работу украинских экспертов по противодействию дронам. Это означает, что Украина вошла в регион не как продавец оружия, а как долгосрочный партнер по безопасности.

Невозможно игнорировать и наблюдаемый в регионе контраст дипломатических стилей. На той же неделе Дональд Трамп в присущей ему манере заявил о принце Мухаммеде бин Салмане (МБС): «Он не думал, что будет целовать мою задницу, но теперь он должен быть со мной вежливым». Это язык диктата и иерархии позапрошлого века. Зеленский приехал к тому же принцу как равный партнер с конкретными технологическими предложениями и готовым планом противодействия общим угрозам. Два подхода к одному союзнику демонстрируют, что Украина предлагает то, чего не может дать нынешний Вашингтон – уважение суверенитета через общее технологическое преимущество и обмен реальным боевым опытом.

Отдельным вектором турне стала встреча с королем Абдаллой II в Иордании. Иордания является критическим узлом для защиты воздушного пространства между Ираком и Средиземноморьем – страной, ежедневно испытывающей последствия иранской эскалации в собственном воздушном пространстве. Именно поэтому партнерство здесь имеет стратегическое, а не только символическое измерение. Отношения между нашими странами по-прежнему были динамичными и доверительными – сейчас они выходят на уровень подлинной солидарности на основе общих интересов безопасности.

Формулировка «донор безопасности» – это прямой месседж администрации Трампа. Это аргумент, бьющий по изоляционистским настроениям части республиканцев: Украина не стоит Америке денег, она экономит их. Защищая американских союзников и базы собственными технологиями перехвата, Киев доказывает свою незаменимость. Когда Зеленский говорит, что у «Саудовской Аравии есть то, в чем заинтересована Украина», он определяет триединство выгоды: нефтедоллары для финансирования украинского ВПК, доступ к компонентам, которые РФ пытается перекрыть, и мощный саудовский дипломатический канал влияния на Белый дом.

Для Кремля война в Заливе – это инструмент выживания экономики из-за высоких цен на нефть и обхода санкций в Индийском океане. Россия пытается управлять хаосом, направляя его против западной архитектуры безопасности. Однако субъектность Украины помешала этой игре. Мы предложили региону – от Эр-Рияда до Аммана – общую рамку безопасности, где украинские решения становятся щитом против иранской агрессии и российского шпионажа. Это наиболее конкретный результат «дроновой дипломатии» за все время. Это переход от деклараций о намерениях к подписанной базе для технологического доминирования. Украина сама становится щитом, защищающим мировую энергетическую инфраструктуру.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Игорь Семиволос

Игорь Семиволос (Ігор Семиволос) – исполнительный директор Центра ближневосточных исследований (Киев).